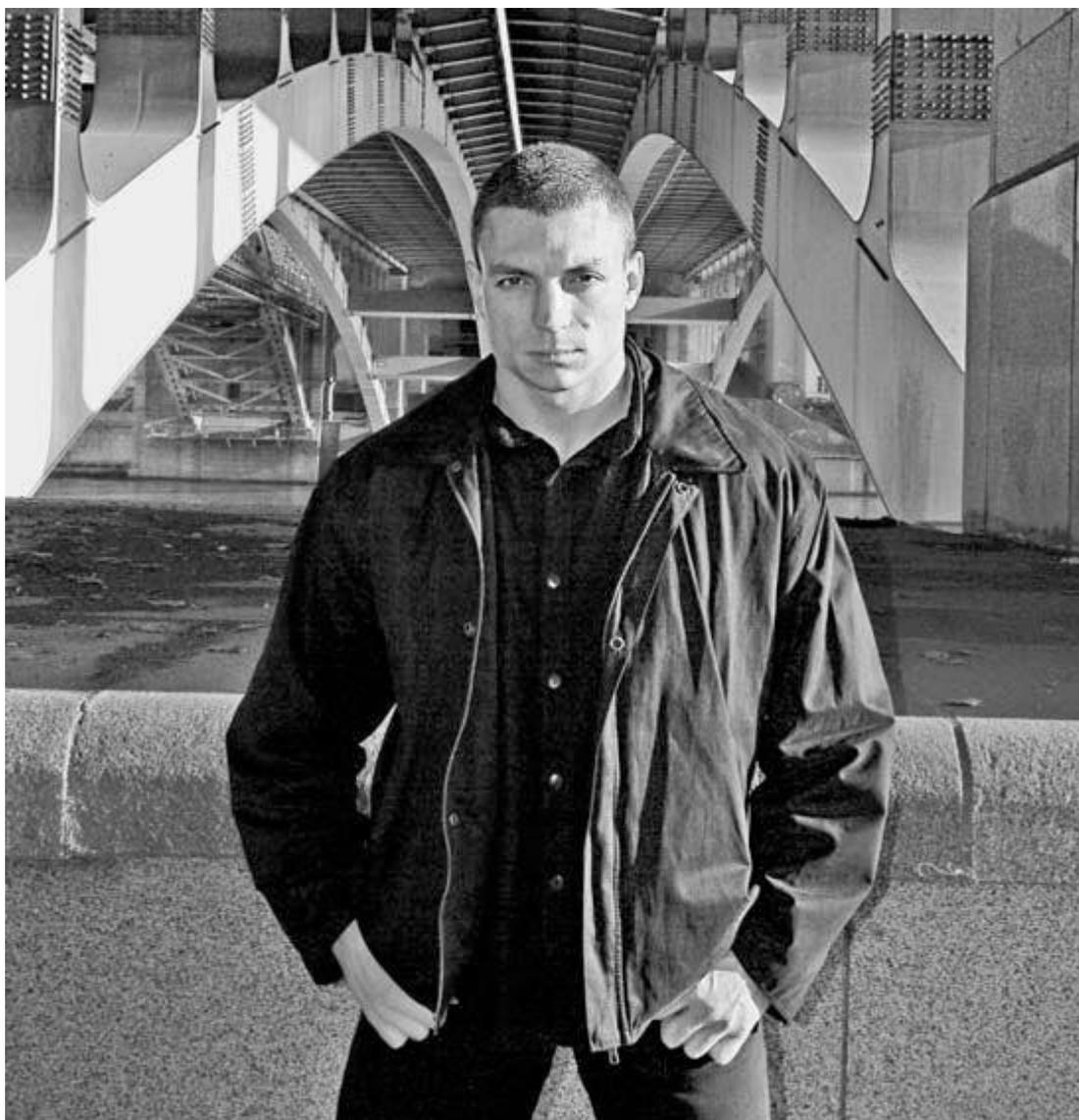

Сергей Тармашев Катастрофа

Друзья, спасибо вам, за искренний интерес к моим книгам. Хочу акцентировать ваше внимание на нескольких немаловажных вопросах.

Некоторые величины, указанные в книге, могут вызвать определенные сомнения у скептически настроенного читателя. Вследствие этого сразу хочу предвосхитить заявления: «А так быть не может» или «Вот я знаю, что проводившиеся в СССР испытания гораздо меньшей мощности вызывали...» и напомнить, что жанр этой книги – фантастика. Но лично я назвал бы это страшной сказкой. Да, именно сказкой, ибо все, что описано здесь, является весьма оптимистичным прогнозом.

Если бы я строго следовал законам, которыми оперирует современная наука, рассказывать было бы не о ком и не о чем. Потому что ядерная катастрофа, подобная описанной, не только

уничтожит все живое, но и, вероятно, разрушит саму Землю. Планета может перестать существовать как физическое тело.

И цель этой книги, конечно, не в том, чтобы заставить читателя с калькулятором в руках пересчитывать за автором некие данные. Действие саги начинается во время конфликта, о течениях и последствиях которого могут быть только самые приблизительные представления, и происходит в отдалённом будущем, которого никто не видел. Это лишний раз доказывает: любые недоказанные фактами теории не могут рассматриваться как истина в последней инстанции. Цель книги в другом – в попытке заставить задуматься над тем, что происходит сейчас и к чему это приведет завтра; что мы делаем с планетой и с собой; во что нас превращает так называемый «транснациональный бизнес». Над тем, что во власти преобладают люди с далеко не самыми лучшими человеческими качествами и процветают они именно благодаря этим качествам; что подлинные ценности все меньше в цене, и их носители всё чаще лишь пешки в игре людей более изворотливых. И, наконец, над тем, не пришла ли пора что-то менять?

Но, как известно, хочешь изменить мир – начни с себя. И если кто-то увидит в героях этой книги – неважно, плохих или хороших, – свое отражение, значит, цель достигнута. Кроме того, я хотел, чтобы читателю было просто интересно читать. А еще лучше – очень интересно. И я рад, если мне это удалось.

Автор выражает благодарность всем своим читателям, для которых и создаются его произведения, а также Дмитрию Ицкову и Константину Рыкову, людям, настоявшим на издании этой книги.

P.S. Вариативная Алиса и великий учёный Серебряков являются собирательными образами. Остальные персонажи имеют реальных прототипов. Все совпадения не случайны.

С уважением, Сергей Тармашев.

Пролог

«К 2108 году, по летоисчислению Древних, сотрясавший цивилизацию энергетический кризис достиг своего пика. Месторождения нефти и газа, являвшиеся кровью и воздухом экономики той эпохи, были опустошены повсеместно. Единственный глубоководный шельф, где ещё оставалась нефть, находился на дне водного бассейна, именуемого Древними Тихим океаном. Согласно многостороннему межправительственному договору, месторождение разрабатывалось совместно несколькими наиболее влиятельными государствами на политической арене той эпохи. Однако шельф служил причиной постоянных политических споров. Из найденных и изученных файлов Древних следует, что летом 2111 года на месте разработки вспыхнул вооружённый конфликт. Не сохранилось данных о том, что послужило причиной, но точно известно, что 29 августа 2111 года цивилизация Древних уничтожила сама себя в огне всепланетной ядерной войны. День Великой Катастрофы положил начало отсчёта современной системе летоисчисления».

Из общеобязательного образовательного курса по Древней истории, вторая стадия обучения, первый учебный сектор.

На ухабистой лесной дороге джип снова тряхнуло. Шрецкий недовольно поморщился. Что поделать, он сам решил оставить дорогу в первозданном виде, для таёжного колорита. В следующий раз на вертолётах. Но сегодня надо пройти весь маршрут так, как проходят его жильцы. И завтрашняя госкомиссия с прессой.

Кортеж вот уже полтора часа двигался к намеченной цели. Шрецкий потрепал по голове захныкавшего сынишку. Мальчику всего девять, но рождение в семье миллиардера накладывает свой отпечаток и в более раннем возрасте. Ребенок был исключительно капризен, что служило причиной постоянной головной боли многочисленных нянек, воспитательниц и гувернанток, однако отец прощал сыну любые выходки. Прислуга – люди низшего сорта, пусть терпят будущего хозяина и делают свою работу, за которую им, кстати, весьма неплохо платят. Проблемы психологического комфорта сотрудников олигарха не интересовали. Для этих целей существуют другие сотрудники.

Глаза сын унаследовал от матери, и стоило только Шрецкому взглянуть в них, как в голове ярко вспыхивал образ Маши. Вот и сейчас, глядя на сына, олигарх вновь подумал о жене. Прошло уже два года с момента её смерти, но он видел её перед собой, как будто это было вчера. Шрецкий тяжело вздохнул. «Двадцать второй век, биорегенерация, клонирование органов, анабиоз... а рак так и не научились лечить», – в многотысячный раз промелькнула мысль. Он предлагал лучшим докторам любые деньги, сулил блестящие перспективы, но те в ответ только разводили руками. Молниеносно прогрессирующие метастазы, рак головного мозга... Никто не мог ничего сделать. Маша сгорела за две недели, как спичка.

Спичка... Он любя называл её так. Невысокая симпатичная стройная восемнадцатилетняя девчонка с каре чёрных волос и огромными зелёными глазами случайно попала к нему на глаза десять лет назад на одной из бесчисленных деловых конференций, которую он проводил в Новосибирске. Девушка раскладывала на столах какую-то канцелярию и страшно трусила от сознания того, что не успевает выполнить свои обязанности в срок, а когда увидела входящего в конференц-зал на десять минут раньше срока влиятельного бизнесмена со свитой, и вовсе замерла. Распорядитель от встречающей стороны зло прошипел где-то сзади: «Вы уволены», – и огромные глаза наполнились влагой. Шрецкий улыбнулся. Он помнил историю первой встречи детально, с точностью до секунды. На запястье тихо завибрировал портативный коммуникатор, безжалостно вырывая его из тёплых воспоминаний.

– Эдуард Романович, выпуск новостей на центральном канале, – доложил референт и отключился.

Вспыльчивый характер Шрецкого был всем хорошо известен, и вышколенные сотрудники никогда не произносили лишних слов, не имеющих прямого отношения к делу. Шрецкий коснулся сенсора и включил новости. Из динамиков раздался взволнованный голос диктора:

«... снова обостряется. Как известно, после захвата террористами «Шельфа ООН» Соединённые Штаты Америки, не ставя в известность международное сообщество, начали боевую операцию по освобождению месторождения. К вечеру вчерашнего дня шельф был полностью захвачен вооружёнными силами США. В ходе боя террористам удалось активировать один из двух ядерных зарядов, которыми они угрожали уничтожить месторождения, в результате чего восемь из девяти добывающих платформ были уничтожены. Однако Вашингтон заявил, что проведённое обследование шельфа показало, что ввиду большой глубины и успешных действий вооружённых сил, сам нефтяной резервуар шельфа не пострадал. В настоящий момент спецслужбы США ведут полную проверку оборудования шельфа на предмет поиска возможных оставшихся в живых террористов и уточнения размеров необходимых восстановительных работ. Тем временем биржевые цены на нефть подпрыгнули до фантастического значения. Час назад Белый дом сделал заявление, что в связи с неспособностью ООН обеспечить безопасность последнего нефтяного запаса, США берут шельф под свой контроль. Второй флот ВМС США, проводивший операцию освобождения, срочно усиливается пятым и шестым флотами. Правительства более чем сорока стран-участниц ООН уже подали официальный протест. В эти минуты срочно собирается Совет Безопасности...»

Шрецкий выключил передачу и откинулся на роскошном сиденье. «Плевать они хотели на ваш Совет Безопасности», – подумал он и, щёлкнув ногтем по сенсору коммуникатора, спросил:

– Сколько ещё осталось до «Подземстроя»?

– Через пятнадцать минут будем на месте, Эдуард Романович, – немедленно откликнулся референт.

«Хорошо, – подумал Шрецкий, – посмотрим, как подготовлен уровень». Он взглянул на увлечённо играющего в очередную компьютерную битву с пришельцами сына. Мальчишка уже забыл о капризах по поводу некомфортной дороги и был всецело поглощён виртуальной мясорубкой. Сидевшая на противоположном сиденье гувернантка, имевшая учёную степень по педагогике, не отрывала взгляд от ребенка. Шрецкий снова закрыл глаза и погрузился в воспоминания.

Чутьё к добыче у него было развито лучше, чем нюх у волка. Это он первым из представителей крупного бизнеса вложил средства в правительственную программу «Подземстрой». Ещё пять лет назад, когда в стране уже заканчивались, но все же ещё были свои нефть и газ, правительство под давлением военных, поддерживаемых некоторыми политическими партиями, пытавшимися поднять

свой рейтинг, приняло программу строительства огромных подземных бункеров на случай ядерного конфликта. Формально конфликтовать было не с кем, однако ситуация с энергоносителями ухудшалась, в мире то и дело вспыхивали вооружённые конфликты за обладание теми или иными местами разработки, да и в других экономически сильных государствах подобные программы существовали и даже в некоторых случаях давали определенное политическое преимущество партиям, являвшимся инициаторами строительства.

В итоге программа была принята. Однако она была скорее формальной, чем реальной, так как основные государственные средства, ежегодно направляемые на исследования в области разработки альтернативных энергоносителей и их внедрение, не позволяли организовать строительство в необходимых для её реализации масштабах. Крупный бизнес, в свою очередь, не хотел делать столь огромных вложений – в ядерный конфликт никто особо не верил, да и альтернативная энергия являлась гораздо более привлекательной отраслью с точки зрения возможных в случае успеха дивидендов. Но Шрецкий в буквальном смысле учуял прибыль, стал единственным партнёром государства в программе и взял на себя почти семьдесят процентов расходов. И прав на владение.

В тот же год началось строительство пробного бункера в новгородских землях. Через два года небольшой «Подземстрой-1» был завершён, и Шрецкий приступил к строительству основательного «Подземстрой-2» под Новосибирском. Этот проект очень любила Маша, именно она предложила место строительства. Жена настояла на том, чтобы создать для семьи отдельный уровень в бункере. Сын подрастёт и будет играть там с друзьями в космических героев, смеясь, говорила она. Шрецкий был уверен, что ей просто нравится романтика идеи многокилометрового подземелья. Совсем ведь девчонка ещё, того и гляди сама примется там в героев играть. Его губы тронула тёплая улыбка, он вновь видел Машу и слышал её звонкий, словно детский, смех. Даже роды не изменили её ни на грамм. Она по-прежнему казалась восемнадцатилетней девочкой рядом с мужем, разница в возрасте с которым составляла тридцать девять лет. Несмотря на все чудеса биорегенерации, малознакомые иностранцы, видя Шрецкого в компании жены, держащей на руках ребенка, часто восхищались тем, какие красивые у него дочь и сын.

– Эдуард Романович, новости, экстренный выпуск, – прожужжал коммуникатор голосом референта. Шрецкий включил новости.

«...только что сделал официальное заявление на Совете Безопасности ООН. Официальный Пекин заявил, что США незаконно захватили «Шельф ООН», и обвинил Белый дом в инсценировке захвата террористами шельфа. Полномочный Представитель Китайской Республики объявил требование Пекина к США немедленно отвести войска и сдать шельф под контроль объединённым силам ООН. Флот ВМС Китая уже начал движение к шельфу. В Китае объявлена мобилизация. К требованию Пекина присоединились Великобритания, Франция, Россия, Германия, страны Арабской коалиции и ещё не менее двадцати стран. Представитель Белого дома вновь заявил о неспособности ООН обеспечить безопасность шельфа и отверг обвинения Китая в инсценировке теракта, назвав это заявление абсурдом. Россия выразила надежду на разумное разрешение ситуации сугубо мирными способами. Представители Франции и Великобритании также...»

Шрецкий щёлкнул ногтем по сенсору и мысленно усмехнулся. Он с самого начала штурма шельфа был уверен, что Штаты так просто оттуда не уйдут. Вот теперь настал звёздный час «Подземстрой-2». После завершения «Подземстрой-1» бункер три месяца пустовал, было продано менее одного процента подуровней. Конкуренты посмеивались над Шрецким. А потом конфликт за месторождение газа между Индией и Пакистаном закончился обменом ядерными ударами. За три часа погибли в общей сложности девять миллионов человек, и перестало существовать само спорное месторождение. Ещё через десять дней управляющий директор «Подземстрой-1» доложил, что площади бункера распроданы полностью. Прибыль превысила четыреста шестьдесят процентов. Это был триумф. Спohватившиеся ринулись строить бункеры, но семьдесят процентов прав на строительство уже принадлежало Шрецкому. В результате началось строительство ещё двух бункеров, но догнать «Подземстрой-2» уже было невозможно. Ещё до окончания первой стадии строительства пятьдесят процентов площадей уже было заказано и оплачено. И вот теперь конфликт на шельфе. Пожалуй, стоит дать указание директору по реализации о поднятии цен.

Шрецкий коснулся сенсора изменения затенённости стёкол и сделал почти тёмное окно прозрачным. За окном весело проносилась сибирская тайга. Ярко светило августовское солнце, пробиваясь через густые кроны величественных сосен и пушистых елей. Шрецкий поморщился. Он не любил солнце, предпочитая искусственное освещение. А вот Маша сейчас была бы рада. Он представил, как она обязательно бы остановила весь кортеж и выскочила из машины просто порадоваться лесу, к ужасному недовольству начальника службы безопасности, которому немедленно надлежало выставлять оцепление, что ещё больше развеселило бы Машу. Шрецкий представил себе, как её звонкий смех переливается в прозрачном лесном воздухе, а вокруг неё веером рассыпаются и растворяются в лесу телохранители, прячущие улыбку на суровых лицах. Машу в империи Шрецкого любили все. В конце концов, сорвав душистую мохнатую еловую лапку, сияющая Маша вернулась бы в машину...

Он посмотрел вперёд – на нависающую Медвежью. Ставосьмидесятиметровая сопка с практически голой вершиной и густо заросшими таёжной растительностью склонами в лучах утреннего солнца и вправду была чем-то похожа на лежащего медведя, очень лохматого и зелёного. Возможно, именно этому она и обязана своим названием. А может, где-то на её склонах ещё живут настоящие медведи. Этот вопрос всегда живо интересовал Машу. Шрецкого же интересовал бункер, прорубленный в скальном основании Медвежьей на глубину в три километра ниже уровня грунта.

Миллионы тонн скальной породы над бункером служили надёжным щитом, глубина залегания бункера и сама его конструкция просчитывались неоднократно лучшими специалистами. Военные консультанты утверждали, что бункер гарантированно выдержит не меньше трёх прямых попаданий любого известного ядерного заряда, состоящего на вооружении. Автономная система жизнеобеспечения с замкнутым циклом, новейшим ядерным реактором, изготовленным по спецзаказу лучшими японскими производителями, могла гарантированно функционировать около пятисот лет. Вместительные склады, полностью загруженные всем необходимым и не очень, медицинский уровень, укомплектованный ультрасовременным оборудованием, научный комплекс с мощнейшими компьютерами последнего поколения, высококвалифицированный персонал, несущий круглосуточное дежурство. Роскошные жилые подуровни, предназначенные для очень богатых людей, и подуровни попроще, для людей просто богатых, уровень «Улей» для почти простых людей. Жилые помещения были рассчитаны на тридцать тысяч человек и пять тысяч сотрудников персонала, но на самом деле бункер мог принять вдвое больше.

Деньги должны приносить деньги, а не просто быть зарыты в землю, пусть даже и на три километра, да и какая в реальности может быть ядерная война, сейчас не полудикий двадцатый век, и бункер, помимо своего основного, документального предназначения, по совместительству являлся огромным экзотическим увеселительным комплексом. Фешенебельные VIP-апартаменты и развлекательные центры на любой вкус, медико-косметические салоны и биорегенерация, водные скважины пятикилометровой глубины и рестораны, способные удовлетворить любым требованиям даже самого капризного гурмана. В уровне жизнеобеспечения огромное пространство заняли оранжереи и биофермы. Там осваивались разнообразные пищевые технологии вплоть до производства мёда и выращивания устриц, уже имеющих свой собственный товарный знак. В следующем году планировалось очистить пологий склон Медвежьей и начать строительство горнолыжного спуска.

По самым скромным подсчётам, бункер должен принести девятизначную цифру прибыли. Одним словом, это был его, Шрецкого, шедевр. И завтра день торжественной сдачи «Подземстроя-2» госкомиссии. На официальном уровне, разумеется, всё было сдано и подписано, множество жилых подуровней были уже заселены владельцами, желающими присутствовать на церемонии открытия. Завтра состоится торжественная часть, будет сам Президент, первые лица, обилие прессы. Появиться на подобном мероприятии с сыном будет совсем не лишним PR-ходом. А сейчас надо самому убедиться в том, что всё готово к завтрашней демонстрации.

Кортеж въехал за ворота и остановился. Снова зажужжал коммуникатор.

– Эдуард Романович, желаете осмотреть внешнюю площадь или сразу внутрь? – Референт прекрасно помнил о дотошности Шрецкого и старался предусмотреть все.

– Начнём отсюда, – решил Шрецкий, – управляющего директора ко мне.

– Он уже ожидает вас, Эдуард Романович.

Снаружи к машине подбежал телохранитель и открыл дверь. Управляющий директор и десяток других должностных лиц спешили засвидетельствовать своё почтение.

– Добро пожаловать, Эдуард Романович, к приезду госкомиссии всё готово. – Управляющий директор не хуже других был осведомлён о необходимости говорить только по делу.

– Хорошо. – Шрецкий окинул взглядом внешнюю территорию. – Тогда это что такое? Или местные лесники решили баньку срубить? – недовольным тоном поинтересовался олигарх.

Внешняя территория представляла собой гладко забетонированный прилегающий вплотную к скальным породам сопки дугообразный кусок земли площадью пятьсот квадратных метров, размеченный под вертолётные площадки, места выгрузки и небольшую автостоянку для служебного транспорта, который доставлял жильцов и сотрудников из Новосибирска в бункер и обратно. Пользоваться личным транспортом разрешалось только избранным, коих было очень и очень немного. Внешнюю территорию ограждал пятиметровый бетонный забор, опоясывающий площадку, начинающийся прямо из скалы и заканчивающийся также в скале, далее шёл пояс охранных наблюдательных вышек, на которых несли службу вооружённые охранники. После пояса вышек было установлено ещё два пояса колючего ограждения со служебными собаками между ними. Специально созданная служба охраны отвечала за безопасность бункера, а количеству всевозможных датчиков, камер слежения и сигнализаций на квадратный метр могла позавидовать служба безопасности президента какой-нибудь небольшой страны. Однако сейчас на внешней территории сразу в нескольких местах лежали стройматериалы, и люди в рабочей форме собирали из них какие-то конструкции.

– Эдуард Романович, это телевизионщики собирают для себя трибуны под телекамеры. Присутствуют только аккредитованные телеканалы согласно проданным правам на трансляцию. – Управляющий директор произнес фразу на одном дыхании и замер, ожидая ответа.

– Проследите, чтобы к 19.00 все работы были завершены. Кто не успеет, будет лишен аккредитации и выдворен за ворота. – Шрецкий развернулся и пошёл в сторону входа в бункер, давая понять, что на этом осмотр внешней территории завершён.

Бункер имел два основных входа и три запасных. Основной грузовой вход был заблокирован нелинейной системой шлюзов с мощными воротами. Загрузка складов «Подземстроя-2» была завершена, и в следующий раз грузовой вход будет разблокирован через сто лет, для плановой замены неприкосновенных запасов. Основной пассажирский вход располагался рядом и представлял собой точную копию старшего брата, уменьшенную в несколько раз. Расположение запасного грузового и двух пассажирских выходов содержалось в тайне.

После первой шлюзовой камеры располагался первый пункт проверки документов, на котором несли службу несколько охранников. Автоматика закрыла ворота за спиной Шрецкого и его свиты.

– Система безопасности производит идентификацию личности мгновенно, – докладывал начальник службы безопасности «Подземстроя», – сейчас система проверит давление и содержание воздуха в этом отсеке и откроет ворота второго шлюза.

– На что делается проверка воздуха? – Шрецкого не интересовали такие тонкости, но в данный момент он ощущал какое-то смутное беспокойство. Безопасник стал торопливо перечислять:

– Проверяется герметичность, давление, температура, уровень радиации, наличие посторонних живых организмов вплоть до бактерий, при необходимости проводится кварцевое...

Но Шрецкий его уже не слушал. Он понял причину своего беспокойства. Он чувствовал взгляд. Точнее, Взгляд. В своей империи Шрецкий был царь и бог, его боялись все. Никто, кроме Маши, не позволял себе столь неприкрыто его рассматривать. Он повернул голову влево и увидел источник своего дискомфорта. В пяти метрах от него на посту стоял человек в форме охранника. Что-то неуловимо знакомое было в его лице. Их взгляды встретились. И ничего не изменилось. Охранник спокойно продолжал рассматривать Шрецкого, только теперь он глядел олигарху в глаза. На мгновение Шрецкому стало не по себе. Он никак не мог понять, в чём дело. Во взгляде не было ни агрессии, ни ненависти. Охранник ничем выдающимся не отличался. На вид лет 30–35, среднего роста, коротко стриженный, как и большинство представителей его профессии. Подтянутая мускулистая фигура, вес килограмм под сто. На нагрудной нашивке небольшая цифра 13. Видимо,

опознавательный знак или что там у них вместо фамилий. Тёмные глаза, пара слабозаметных шрамов – наверняка следы тяжёлых операций, при сегодняшнем уровне развития биорегенерации лёгкие повреждения кожи просто не оставляют следов... в его личной охране служат парни намного колоритнее, настоящие глыбы... и тут Шрецкий понял, где он видел такой же взгляд.

Когда Маша умерла, Шрецкий вместе с поверенными сам приехал за телом, несмотря на уговоры друзей. Он твёрдо решил отменить все дела и последние три дня не отходить от неё. В морге элитной московской клиники тело передавал сухонький старичок-прозектор. Старик механически выполнял все необходимые процедуры, и при этом его взгляд, скользя с живых на мертвых и обратно, никак не менялся. Дед смотрел на тела, словно это была мебель или элементы интерьера, с которыми он бок о бок прожил не один десяток лет. В его взгляде не было ни жалости, ни скорби, ни радости, ни заинтересованности. Это была какая-то смесь безразличия с необходимостью. И когда старик переводил взгляд на кого-то из поверенных, ничего в его взгляде не менялось. Живые ли, мертвые ли перед ним – старику не было до этого дела. Тогда Шрецкий не задумался над этим, боль от потери жены застилала всё.

Сейчас он вновь увидел этот взгляд. Ну и что? За четыре десятка с лишним лет в бизнесе Шрецкий стал специалистом по взглядам, его опыту мог позавидовать иной профессор физиогномистики. Шрецкого одним лишь взглядом не возьмёшь! Нет, тут что-то ещё. Внезапно его осенило. Память бизнесмена, привыкшего держать в голове содержание множества договоров и контрактов, официальных и частных бесед и встреч, словом, всё, вплоть до неважных на первый взгляд деталей, услужливо вытолкнула нужное воспоминание.

Шла вторая неделя их с Машей медового месяца. Личная яхта Шрецкого, больше похожая на океанский лайнер, каковым она, по сути, и являлась, сделала остановку на Сейшельских островах. Лет двадцать назад он купил себе один из небольших островков этого архипелага и устроил там одну из своих летних резиденций. Белоснежный мраморный дворец смотрел из буйства тропических джунглей прямо в океан, словно ослепительно белая жемчужина выглядывала из раскрытых створок сочно-зелёной раковины. Огромный коралловый риф, переливаясь яркими красными, жёлтыми, коричневыми и оранжевыми красками, простирался далеко в изумрудно-зелёное море, которое в полдень сверкало почти так же сильно, как Машины глаза. Она с первого взгляда влюбилась в это место и целый час щёлкала новеньким, недавно подаренным голограмматором.

– Я хочу отправить родителям голограммки! – сообщила она, захлебываясь от восторга, – можно, любимый?

Шрецкий засмеялся:

– Ну конечно, можно, дорогая. Вот же коммуникатор, Интернет через спутник круглый год! Адрес помнишь?

– Наш домашний компьютер голограммы не примет. Коммуникатор есть только у папы на работе. У меня записан номер! – Маша достала из лежащей на столике сумочки маленький красный дамский бумажник и начала усердно копаться в его кармашках, где обнаружилось немало различных бумажек и второпях сделанных пометок. Периодически Маша доставала какой-нибудь клочок и с удивлением произносила что-то вроде: «Ой! А это что?» и продолжала поиски. Шрецкий, глядя на это, не мог сдержать улыбки. Наконец нужный номер был найден, и Маша с видом Бонапарта, только что покорившего Европу, бросила бумажник на столик и принялась за коммуникатор. При этом она сосредоточенно хмурила брови и совсем по-детски надувала пухлые губки. Видимо, задача перед ней стояла не из лёгких. Эта картина умиляла Шрецкого до глубины души. Он смотрел на жену и продолжал счастливо улыбаться.

– Не смотри на меня, ты меня смущаешь! – заявила Маша, – у меня никогда раньше не было коммуникатора.

– Может, тебе помочь?

– Нет! Я сама! – Маша показала ему язычок. – А ты не смотри, не мешай! – повторила она, сверкнув зелёными глазницами, и снова погрузилась в исследовательский процесс.

Шрецкий выдал короткий смешок, оставшийся без ответа. Он перевёл взгляд на стол и протянул руку к её бумажнику:

– Можно взглянуть?

– Ага! – разрешила Маша, не отрываясь от коммуникатора.

Бумажник был выдавшим виды. Изрядно потёртым, служившим уже далеко не первый год.

– Материна вещица? – догадался Шрецкий.

– Угу.

Он раскрыл бумажник. Куча маленьких кармашков, забытых кучей маленьких бумажек...

В пустом раскладывающемся прозрачном пластиковом кармане в самом углу одиноко лежала маленькая чёрно-белая фотография «три на четыре», стандартное фото на документы. На нём был коротко стриженный крепкий парень лет тридцати в камуфлированной форме войск специального назначения. Тёмные глаза пристально смотрели в объектив, из-за чего складывалось ощущение, что человек с фото смотрит прямо на тебя.

– Отдай, пожалуйста. – Маша стояла рядом, протянув руку. В уголках её потемневших глаз собралась влага.

– Кто это? – Шрецкий отдал бумажник. – Твой любимый человек?

Он вдруг понял, что их роман развивался настолько легко и стремительно, что никогда раньше подобного вопроса не задавалось.

– Где он теперь?

– Он... – Маша опустила голову, и на палубу упала слезинка. – Он был офицером спецназа.

Она посмотрела Шрецкому в глаза:

– Он погиб. На войне.

Маша убрала бумажник в сумочку и вернулась к коммуникатору. Шрецкий промолчал. Энергетический кризис разрастался, вооружённые конфликты вспыхивали и гасли по всей карте мира. Страна имела интересы во многих уголках планеты, и гибель наших бойцов давно уже перестала быть чем-то из ряда вон выходящим. Через десять минут сосредоточенное сопение у коммуникатора сменилось победным визгом – голограммы дошли до адресата, и огромные глаза снова засияли. Той фотографии Шрецкий больше не видел.

И вот теперь на него смотрел человек с фотографии. Перепутать было невозможно, парень совсем не изменился, от фото его отличали только шрамы. Спокойный, безразлично-обязательный взгляд патологоанатома на труп. Шрецкому стало жутко.

– Эдуард Романович, двери открыты, желаете пройти дальше? – неуверенно спросил решившийся нарушить тишину управляющий директор.

Шрецкий мысленно стряхнул с себя оцепенение и понял, что шлюз давно открыт и все ждут только его. Он решительно прошёл внутрь. Миновав ещё три шлюзовые камеры, расположенные в коленчатом коридоре, свита вышла к электропоезду, доставляющему людей к шахте лифта. Уже сидя в кресле вагона, Шрецкий кивком подозвал к себе безопасника.

– Кто этот сотрудник за номером тринадцать?

– Новенький, Эдуард Романович, принят две недели назад, – заторопился безопасник, – прошёл все проверки, ветеран спецназа, многократно награжден, имеет рекомендации...

– Уволить на следующий день после сдачи объекта, – перебил Шрецкий. – И не раньше. Нам не нужны сейчас лишние крошки для тараканов из прессы. Вопросы?

– Никаких, Эдуард Романович.

Безопасник отправился на своё место.

– Эдуард Романович, – рядом стоял референт с коммуникатором в руках, – новости, экстренный выпуск.

Шрецкий кивнул, референт коснулся сенсора и поставил коммуникатор на стол.

«...специальный корреспондент из зоны конфликта. Десять минут назад ВМС США сбили два самолета Республики Китай, проводивших облёт территории «Шельфа ООН». Оба пилота погибли. Командующий флотами США заявил, что выполняет приказ Президента и Конгресса об охране шельфа и не позволит никому подойти ближе двенадцатимильной зоны. Торги на мировой нефтяной бирже приостановлены. Перед зданием американского посольства в Пекине в эти минуты возник стихийный митинг, количество его участников стремительно растёт. Глава ООН обратился к странам – участницам конфликта с призывом соблюдать благоразумие. Официальная реакция Пекина пока

неизвестна, однако военные наблюдатели констатируют выдвижение китайского флота на дистанцию удара. Мировая общественность уже высказывает осуждение...»

Шрецкий выключил коммуникатор. «Плевали они на ваше осуждение», – подумал он и взглядом подозвал референта.

– Отправьте в московскую штаб-квартиру приказ директору по продажам поднять стоимость ещё не реализованных площадей «Подземстроя-2» в четыре раза.

– Слушаюсь, Эдуард Романович.

Электропоезд остановился у шлюзов лифта. Свита прошла через три шлюза и оказалась в кабине. Скоростной лифт набирал и гасил скорость настолько плавно, что сидевшие в мягких комфортабельных креслах пассажиры практически не ощущали скорости. Через несколько минут они достигли цели на глубине три тысячи метров. Это был личный уровень Шрецкого. С тех пор, как умерла Маша, он бывал здесь редко, предпочитая руководить строительством на расстоянии. Однако план уровня он помнил отлично. Шрецкий сразу же направился в свой офис, а сын с воплями помчался в противоположную сторону. Для него подземное приключение началось ещё в шлюзовых камерах. Приехавшие с мальчишкой няня и гувернантка в ужасе устремились за ребёнком.

Кабинет Шрецкому понравился. Пятьдесят квадратных метров площади, четырёхметровые потолки, массивная мебель ручной работы в классическом английском стиле. Шрецкий любил красное дерево, и проектировщики учли эту слабость олигарха: в помещении всё было выполнено из самых дорогих его сортов. Однако больше всего кабинет напоминал рубку авианосца или центр управления полётами. Три стены, кроме находящейся за спинкой президентского кресла, практически полностью являлись голографическими экранами. По ним непрерывно бежали сообщения об изменении различных котировок и индексов, транслировалось в реальном времени положение дел на ведущих мировых биржах, карта мира была усыпана значками, отмечавшими местоположения различных интересов империи Шрецкого. Мощнейший коммуникатор последнего поколения, установленный на рабочем столе, пискнул и заговорил голосом референта.

– Эдуард Романович, Новосибирск на связи. Губернатор, правительственная линия.

– Соединяйте.

Коммуникатор подмигнул Шрецкому зелёным индикатором правительственной линии и тут же переключился на красный, сообщая, что активирован максимальный уровень защиты данных. Спустя мгновение на голографическом экране появилась тучная фигура губернатора региона, и динамики пробасили с одышкой:

– Здравствуй, Эдуард Романович, с приездом. Как добрался по лесной дороге-то?

– Здравствуй, Петр Викентьевич, твоими молитвами хорошо.

Оба знали, что лесная дорога к «Подземстрою» была оставлена в нетронутом виде не только с целью придания туристического колорита, но и в угоду партии Зелёных, имевших в регионе сильные позиции. Губернатор занимал своё кресло второй срок и был не против отсидеть в нём и третий, поэтому возможность выглядеть в хорошем свете на страницах газет лишней не была.

– Эдуард Романович, новости-то слушал сегодня? – Одышка очень толстого человека сильно тяготила губернатора, длинные фразы давались ему с трудом, поэтому он старался пользоваться короткими. – Чего американцы-то творят.

– Этого и следовало ожидать, Петр Викентьевич, американцам никто не указ. – Шрецкий ввел короткую команду и теперь, ведя разговор, разглядывал на карте движения флотов в районе конфликта. – Вон сколько народу уже собралось побряцать оружием. И китайцы, и англичане, и арабы, и мы. Ну как же без нас-то, – ухмыльнулся Шрецкий.

– Тут есть мнение, что в случае дальнейшего обострения ситуации Президент может и не прилететь, – губернатор снова перевёл дух, – шепнули мне тут из Москвы по секрету. – Ты вот что, Эдуард Романович, прилетай-ка ко мне сейчас, потолкуем, чайку попьём. Вы с Президентом чуть ли не друзья, может, созвонишься и замолвишь за нас словечко, Эдуард Романович? Глядишь, и не передумает Президент. Это ведь и тебе выгодно, да и у нас тут выборы на носу. И региону встреча с Президентом нужна кровь из носу. Меня пол краевой думы с утра осаждает. Помоги, Эдуард

Романович, мы в долгу не останемся, окажем максимальное содействие в любом вопросе, только скажи.

Столь длинная тирада далась губернатору нелегко, откуда-то из недр необъятного костюма он достал платок и стал вытирать градом катящийся по лицу пот.

Шрецкий на мгновение задумался. Конечно, госкомиссия примет «Подземстрой-2» и без присутствия Президента, это уже давно решённый вопрос. И проблемы губернатора со всем его регионом волновали Шрецкого очень мало. Но вот сам факт возможного отсутствия Президента изрядно портил стройную PR-кампанию Шрецкого, начавшего набирать серьёзный вес на политической арене страны. А с этой самой ареной у него были связаны очень даже далеко идущие планы...

– Что ж, Петр Викентьевич, давайте попробуем помочь нашему общему горю чем сможем, – улыбнулся Шрецкий.

– Вот и чудненько, вот и чудненько, – задышал губернатор, – я вышлю за тобой вертолёт, Эдуард Романович, через час они будут у тебя.

Экран погас, индикатор подмигнул ещё раз на прощание и отключился.

Эко как прижало-то, подумал Шрецкий. Не пожалел топливо из краевых стратегических резервов, вертолёт послал. Не иначе снова у Президента средств будут просить. Зачем ещё он им нужен. Шрецкий ухмыльнулся и ткнул сенсор референта на коммуникаторе.

– Слушаю вас, Эдуард Романович.

– Через час вылетаем в Новосибирск на встречу с губернатором. Вертолёт уже в пути. Оповестите всех членов комиссии и готовьте мой вертолёт, я хочу вылететь обратно из Новосибирска через пять часов. К моменту моего возвращения я хочу получить от директоров подробный доклад о мощностях «Подземстроя-2», включая резервные и аварийные. Свяжитесь с Москвой, с директором по продажам, мне нужен полный список ещё не проданных площадей.

– Будет сделано, Эдуард Романович.

Шрецкий активировал почтовый терминал и некоторое время работал с персональной корреспонденцией. Коммутатор щёлкнул – автоматика кабинета, настроенная на круглосуточный прием новостей, сама вывела на экран экстренный выпуск.

На экране шла картинка со спутника – в море быстро тонули два охваченных пламенем боевых корабля. Возбуждённый голос диктора за кадром скороговоркой сообщал о последних событиях:

«...в акватории «Шельфа ООН» продолжилась страшная трагедией. ВМС США нанесли массированный ракетный удар по двум лёгким эсминцам объединённого флота ООН. В результате атаки оба корабля уничтожены и стремительно тонут. К месту трагедии спешат спасательные суда и вертолёт. Командующий флотами США заявил, что корабли ООН нарушили двенадцатимильную зону безопасности, установленную Конгрессом США. Только что полномочный представитель Белого дома в ООН зачитал обращение президента США, в котором говорится, что в случае повторных попыток нарушить зону безопасности, страна-нарушитель будет лишена Соединёнными Штатами возможности участия в добыче нефти после восстановления оборудования на «Шельфе ООН». Как сообщают наблюдатели, уничтоженные эсминцы объединённого флота ООН принадлежали России и Арабской коалиции. Мы ждем реакции Москвы, пока ещё Кремль не делал никаких заявлений. В Пекине здание посольства США демонстранты забрасывают камнями. Полиция применила слезоточивый газ...»

Внезапно картинка на экранах сменилась. Судя по всему, камера установлена где-то на высотном доме соседнего квартала. На экране издали видно здание, буквально тонущее в огромном людском море. Диктор за кадром ещё более усилил скорость вещания и стал говорить практически без пауз: «Срочное сообщение! После объявления о гибели эсминца Арабской коалиции здание посольства США в Тегеране в считанные минуты оказалось окружено многотысячной толпой. Разъярённая толпа смела полицейские кордоны и пошла на штурм посольства. В данный момент вы видите, как людские массы врываются внутрь. Из здания слышны выстрелы, по сообщениям полиции, к посольству срочно движутся усиленные войсками отряды полиции. Мы следим за развитием событий со здания...»

Коммутатор открыл на экране новое окно и вывел референта:

– Эдуард Романович, вертолёт будет через двадцать минут. Комиссия готова, можно начинать шлюзование. Ваш вертолёт ожидает вас в Новосибирске. – Референт закончил доклад и отключился.

Шрецкий вышел из кабинета. Да, дела. Интересно, как америкосы планируют разрешить эту проблему. Надо лететь, а то, если дела и дальше так пойдут, Президент действительно может и не приехать на открытие.

У лифта между свитой радостно прыгал сынишка, не забывая наступать на ноги всем попавшимся. Все попавшиеся усиленно изображали умиление. Шрецкий мысленно усмехнулся: «Ничтожества».

– Вертолёт, вертолёт!!! Папа! Мы полетим кататься на вертолёте! – Наследник вцепился в отцовский рукав.

Начальник личной охраны тут же зашептал:

– Эдуард Романович, брать ребенка в чужой вертолёт с чужими пилотами неосторожно, я бы не рекомендовал...

– Нельзя, сынок, – перебил главного телохранителя Шрецкий, – мы покатаемся в другой раз.

– Ну, паааапа! – немедленно начал канючить сын, – я хочу на вертолёт, мы с мамой всегда катались с тобой на вертолёте. – Сынишка хлопал зелёными глазёнками.

«Маша...»

– Так уж и быть, поехали! – сдался Шрецкий, улыбаясь.

Начальник личной охраны попытался возразить:

– Но, Эдуард Романович, это же... – Шрецкий поморщился и, не дослушав, прошёл в кабину лифта, давая понять, что разговор окончен.

Подъем на лифте, шлюзования, электропоезд, снова шлюзования. Всю дорогу Шрецкий был погружен в раздумья. Вне всякого сомнения, конфликт в зоне «Шельфа ООН» принимал не самый лучший оборот, и надо было извлечь из этого максимальную выгоду. Изворотливый ум Шрецкого работал на полную мощность, анализируя ситуацию, сравнивая и отвергая различные варианты, скрупулезно выискивая наилучший, подобно ищейке, идущей по кровавому следу подранка.

Резко вернулось ощущение страха. Шрецкий отвлекся от мыслей и понял, что снова находится на первом пункте проверки документов. За прошедший час здесь ничего не изменилось, включая положение охранников. Охранник под тринадцатым номером уже не смотрел на него, но отделаться от неприятного чувства не удавалось.

«Да что такое!» – мысленно выругался Шрецкий.

На внешней территории уже стояли обещанные вертолёт и личный помощник губернатора. Губернаторский вертолёт и два вертолёта сопровождения оторвались от земли синхронно, демонстрируя неплохую слетанность экипажей. Дорога по воздуху должна занять около часа, Шрецкий устроился поудобнее в мягком кожаном кресле, затемнил иллюминатор и включил частоту новостей.

«...передавали ранее, разъярённая толпа смяла полицейские кордоны и штурмом взяла здание посольства США в Тегеране, буквально разорвав всех находившихся внутри. Конгресс США собирается на экстренное заседание. Американский президент заявил, что реакция США на кровавую расправу не заставит себя ждать. Наблюдатели из зоны конфликта передают, что флоты Китая и Арабской коалиции начали сближение и через час достигнут границы двенадцатимильной зоны. Представитель коалиции в ООН заявил, что в случае повторения атак флот коалиции нанесет ответный удар, и потребовал от Совета Безопасности ввести войска ООН в акваторию «Шельфа» и вернуть его под юрисдикцию ООН. Официальный Пекин выдвинул требование приостановить членство США в ООН и подчеркнул готовность Китая выполнять союзнические обязательства согласно договору об Альянсе. Третий член Альянса, Россия, пока не сделала никаких официальных заявлений, в эти минуты Президент России собрал правительство на экстренное заседание. Партнёры США по блоку НАТО пока воздерживаются от комментариев. Оставайтесь с нами, мы будем...»

Шрецкий выключил новости и задумался. Шансы на завтрашнее прибытие Президента стремительно уменьшались. Что ж, надо ждать официального заявления Кремля, от него и оттолкнёмся. После окончания заседания необходимо любой ценой переговорить с Президентом. Присутствие рядом губернатора и председателя Краевой Думы будет нелишним.

Вертолёты совершили посадку на крыше здания правительства края, и спустя три минуты Шрецкий уже входил в кабинет губернатора. Тут, судя по всему, ждали только его. Петр Викентьевич собрал действительно узкий круг самых доверенных лиц: вице-губернатор, председатель Краевой Думы и он сам. Больше в кабинете никого не было. Шрецкий коротко поприветствовал присутствующих и опустился в кресло.

– Видал, Эдуард Романович, что творится! – Губернатор ткнул пухлой рукой в сторону настенного экрана, где в данный момент была изображена спутниковая карта. Шрецкий узнал акваторию «Шельфа ООН».

– Американцы заявили, что в странах с «антиамериканскими настроениями» будут охранять свои посольства сами. С ближайших баз уже начали выдвигаться воинские части. – Губернатор отдышался и достал платок, больше напоминающий небольшую простыню. – Заварили кашу, а теперь хвостом вертят. Просят своих партнёров по НАТО быть верным союзническим обязательствам и передать все находящиеся в районе акватории «Шельфа» корабли из состава Объединённых сил ООН для усиления своего флота. Англичане и немцы уже вошли в акваторию. – Губернатор принялся вытирать потоки пота, шумно дыша. – Китайцы и арабы готовятся пересечь границу двенадцатимильной зоны. Ждут только нас, а мы пока молчим. ООН выдает заявления одно за другим со скоростью какого-нибудь пронырливого писаки из жёлтой бульварной газетенки, только вот америкосы плевать на них хотели. – Губернатор окончательно выдохся.

– Всем нужна нефть, – ухмыльнулся Шрецкий, – американцы сделают так, как выгодно им, и весь этот ооновский трезвон их не остановит. Ну а прилипали из НАТО будут глядеть в рот дяде Сэму в надежде отхватить с барского стола кусочек шельфа послаще. Штаты сделали неплохой ход, ядерный конфликт не нужен никому, а вот переписать квоты добычи нефти, воспользовавшись случаем, было заманчиво. Неудивительно, что Москва столь тщательно обдумывает свой шаг. Ситуация непростая: с одной стороны, союзнический долг и платформа на «Шельфе», с другой – отношения с американцами, совместное строительство двенадцатой платформы МКС и второй очереди лунного поселка. Если Вашингтон заморозит финансирование своего участка...

Настенный голографический экран вспыхнул российским триколором, и голос диктора торжественно объявил о прерывании всех программ в связи с заявлением Президента. Глава государства, как всегда, источал уверенность и серьёзность. Он начал с описания момента. Шрецкий с любопытством ждал сути. «Интересно, как ты выкрутишься». – Олигарх завидовал умению Президента сохранять лицо в проигрышных ситуациях. В определённых кругах за эту способность Президент получил за глаза прозвище Невалышка. Однако то, что происходило сейчас, было далеко не стандартной политической проблемой. Наконец Президент огласил позицию страны. Чего-то подобного Шрецкий и ожидал. Россия верна союзническому долгу Альянса и в случае агрессии окажет помощь союзникам. Однако боевые корабли Российского флота не будут пересекать границу двенадцатимильной зоны, так как мы надеемся на дипломатическое разрешение проблемы. Россия предлагает США вернуть шельф под юрисдикцию ООН и создать специальные объединённые силы охраны «Шельфа». После чего Президент выразил соболезнования семьям и родственникам погибших моряков и подчеркнул необходимость сохранять ясный ум и трезвость мышления, которые как никогда необходимы сейчас России.

«Так вот как, значит, хочешь быть хорошим и нашим, и вашим. А получится?» – Шрецкий уже представил бурю эмоций в штабах оппозиции.

Выступление Президента закончилось, и телепрограмма продолжилась ток-шоу модного политического обозревателя, который с жаром принялся обсуждать заявление главы государства.

– Таким образом, господа, – Шрецкий отвернулся от экрана и подытожил: – Президент дал понять, что место на передовой Россия занимать не будет. А значит, его завтрашнее присутствие на сдаче «Подземстрой» вполне возможно. Я свяжусь с Президентом, как только у него появится возможность провести с нами разговор. Все необходимые для этого действия уже предприняты. Пока же предлагаю обсудить наши дела.

Обсуждение шло уже три часа, громадьё планов губернатора сотоварищи, связанных с возможностью личной встречи с Президентом, вполне соответствовало необъятным размерам самого губернатора, сменившего за время разговора с десяток носовых платков-простыней. Шрецкий

мысленно скривился: «Ещё один метит в московское кресло». Судя по всему, Петр Викентьевич пытался набрать очки, где только возможно. Похоже, решил, что засиделся в регионах, начал работать на перспективу... Что ж, и из этого можно будет извлечь ощутимую выгоду. А связи с Президентом до сих пор нет, вот это уже не самый хороший признак.

Размышления Шрецкого прервал очередной экстренный выпуск новостей, возвестивший о заявлении Генерального секретаря ООН, официально потребовавшего от США немедленно прекратить эскалацию конфликта и вернуть «Шельф» под юрисдикцию ООН, после чего было объявлено о созыве экстренного заседания. Однако на этом новости не закончились. Все крупные информационные агентства наперебой сообщали о целом ряде провалов плана США по самостоятельной охране своих посольств на территории «государств с неблагоприятной политической обстановкой». Страны Арабской коалиции не допустили на свои территории американские армейские подразделения, о чём официально уведомили Белый дом. Народные возмущения в этих странах разрастались, то тут, то там на граждан США набрасывалась разъярённая толпа, стали поступать сообщения о новых жертвах. В России оппозиция не замедлила воспользоваться невнятной позицией Президента, на коммерческих каналах телевидения представители политических партий и блоков, не преминувших извлечь для себя выгоду из создавшегося положения, уже гневно критиковали правительство и партию власти, требуя более жесткой реакции на гибель наших моряков.

«Ну как же можно упустить такой прекрасный случай и не заработать пару-другую процентов избирателей». – Шрецкий был далек от мысли, что потопленный корабль и на самом деле что-то значил для акул от политики. Он хорошо помнил сильнейший политический резонанс, казалось бы, достаточно далекого от России индо-пакистанского конфликта. Конечно, ситуация там была гораздо более серьёзной, ещё бы, в общей сложности четыре обоюдных ядерных удара. Мир тогда содрогнулся, и многие смекалистые политики среднего уровня сделали себе громкое имя на этом. Вот и сейчас Шрецкий безошибочно угадывал амбиции почуявших многообещающий шанс политиканов.

«Слетаются стервятники. Самые лакомые куски всегда достаются первым. Скоро начнут локтями отталкивать друг друга», – мысленно усмехнулся олигарх.

В этот момент корреспондент на экране сообщил, что флоты Китая и Арабской коалиции вошли в двенадцатимильную зону «Шельфа». Командующий флотом НАТО потребовал немедленного прекращения продвижения и возврата флотов на исходные позиции, обещая в случае неповиновения выполнить приказ Конгресса и уничтожить нарушителей. Практически сразу последовали заявления Пекина и Тегерана с требованием передачи «Шельфа» под контроль представителей ООН. Флоты сближались, время шло, однако никакого развития событий не последовало.

– Ваше мнение, Эдуард Романович, – губернатор достал очередной платок, – как дальше будет протекать конфликт? – Даже мощнейшая система кондиционирования, ионизации и обогащения воздуха, установленная в кабинете, не могла ничего противопоставить граду пота, катившемуся по багровому от одышки лицу губернатора. В тёмно-зелёном костюме, вместившем в себя его необъятную тушу, губернатор напоминал Шрецкому гигантскую болотную жабу.

– Полагаю, как и раньше в подобных ситуациях. – Шрецкий тщательно проследил, чтобы ничто не выдало брезгливость в его взгляде. – Побряцают оружием и разойдутся. Штаты и основные участники этого представления получают в результате пересмотренные и увеличенные квоты. Остальные, кто и так имел мало, будут иметь ещё меньше. Ради чего это все, бесспорно, и затевалось. Никому не нужен второй Индо-Пакистан, так что в дальнейшем сотрясать воздух будут только политики и...

«Экстренное сообщение из зоны конфликта! Три минуты назад флот НАТО нанес удар по передовым кораблям флотов Китая и Арабской коалиции!» – Комментатор буквально захлебывался словами.

Экран показывал картину настоящего побоища: корабли, охваченные пламенем и клубами густого дыма; корабли, разорванные на части и стремительно тонущие; корабли, неестественно зарывшиеся в воду... Картинка шла со спутника, и не было возможности разобрать мелкие детали, но уже было понятно, что дело приняло серьёзный оборот. Море вокруг тонущих кораблей было усеяно спасательными плотами и пытающимися выжить людьми.

«Ещё нет данных о потерях, но и так видно, что они огромны, спасательные суда срочно пытаются оказать помощь выжившим...»

Внезапно голос комментатора перешёл почти на крик: «Только что нами получено сообщение: флоты Китая и Арабской коалиции нанесли массированный ответный удар...»

Шрецкий встал и обвел взглядом застывших в шоке людей.

– Господа, мне необходимо срочно вылететь в Москву.

Шрецкий сидел в VIP-зале аэропорта Толмачево. Он был мрачен. Ни о каком прибытии Президента речь уже не шла. Под вопросом был и сам факт завтрашней сдачи «Подземстроя» госкомиссии. Сейчас необходимо как можно скорее оказаться в Москве, надо держать руку на пульсе событий. Самолет срочно готовили к вылету, однако раньше чем через час вылететь не удастся. Охрана и свита молча застыли вокруг, словно превратившись в каменных истуканов, лишь избалованный отпрыск всевильного олигарха, как всегда, капризничал, недовольный чем-то. Нянька и гувернантка тихо пытались успокоить вредного наследника, предлагая ему откусать сладостей или заняться компьютерной игрой. В конце концов выбор пал на компьютер.

Шрецкий собрался было в который раз поторопить референта с подготовкой вылета, но тот уже был рядом и включал коммуникатор.

– Экстренное сообщение по каналам новостей, Эдуард Романович. – Казалось, что находящиеся в зале люди перестали дышать. В гробовой тишине звук динамиков разнесся по всему залу:

«...обменялись ядерными ударами. Связь с акваторией «Шельфа ООН» и прилегающими к нему районами потеряна. Мы срочно пытаемся получить любую информацию с места трагедии...»

– Сообщите капитану самолета, что, если мы не вылетим через полчаса, он может искать себе новую работу. – Шрецкий практически рычал на референта.

Через пятнадцать минут Шрецкий поднимался на борт своего личного самолета. Усевшись за рабочий стол, олигарх проводил взглядом промчавшегося по салону в направлении компьютерного симулятора сына. Коммуникатор моргнул лампочкой внутренней связи, и командир экипажа доложил, что до взлета осталось десять минут.

В этот момент референт включил голографический экран и доложил:

– Эдуард Романович, правительственное сообщение.

Изображение государственного флага сменилось каменным лицом премьер-министра. Без лишних слов и излишних объяснений премьер сообщил об объявлении в стране военного положения и призвал к соблюдению спокойствия и недопущению паники, назвав это вынужденной временной мерой. На этом правительственное сообщение закончилось.

– Соединяйте меня с Президентом до тех пор, пока не соедините. И обеспечьте мне связь с Министерством обороны. Скажите капитану, что нам необходимо быть в Москве так быстро, насколько это вообще возможно.

– Слушаюсь, Эдуард Романович.

Как только самолет набрал высоту, Шрецкий затемнил иллюминатор. Солнце оставалось позади самолета, но даже с этой стороны дневного света, столь нелюбимого олигархом, было ещё много, он раздражал и мешал думать. Переговорить с Президентом по-прежнему не удавалось, Министерство обороны тоже молчало. Шрецкий понимал, что сейчас там творится, но до Москвы оставалось почти половина пути, а информацию надо было иметь на руках немедленно.

– Эдуард Романович, Министерство обороны, Игорь Федорович, – прервал его размышления референт.

Коммуникатор подмигнул индикатором защищённой линии связи, и Шрецкий выдохнул:

– Приветствую тебя, Игорь Федорович, что происходит?

– Конфликт у «Шельфа» вышел из-под контроля, – не отвечая на приветствие, заговорил замминистра, почти не делая пауз, – арабы с китайцами имели серьёзное численное превосходство и раздавили натовцев, но те напоследок ответили ядерными ударами. Компьютеры идентифицировали пуски ядерных ракет, и наши союзники ответили. Всё произошло менее чем за десять секунд. После чего связь с флотами была потеряна. Точно не известно, что же конкретно там произошло, но не все ядерные ракеты имели целью корабли противника. Были приняты меры, однако подлётное время ракет, выпущенных с подлодок, невелико, китайцы не успели перехватить несколько боеголовок, одна

из них ударила по Пекину. Нашим друзьям арабам тоже досталось. Сейчас идет срочная эвакуация всех жизненно важных объектов и учреждений, мы предпринимаем все меры, чтобы избежать паники, но эвакуация крупных городов – дело крайне сложное. – Замминистра перевёл дух.

– Игорь, но почему военное положение? – Шрецкий забыл о приличиях, всё ещё отказываясь верить в самое худшее. – Для чего эвакуация? После драки кулаками не машут...

Замминистра помолчал секунду и ответил неожиданно ровным голосом:

– Девятнадцать минут назад Китай произвел массированные пуски. Цель – страны – участницы конфликта. Остаточное подлетное время – одиннадцать минут. Шестнадцать минут назад натовцы ответили. Цель – страны Альянса. Подлетное время четырнадцать минут. Нас тоже задевает. Девять минут назад китайцы с арабами произвели пуски второй волны удара. По нашим расчётам, через три – пять минут будет третья волна. Шесть минут назад НАТО произвела пуски второй волны. – Генерал сделал паузу и абсолютно спокойным тоном закончил:

– Первую волну мы перехватим. Возможно, почти всю вторую, хотя это «почти» уже никому не поможет. А потом будет третья... Четвёртую перехватывать будет нечем. И некому. У нас нет выбора – нам придется ответить. Никто в мире не успел провести серьёзную эвакуацию, понимаешь? Никто. На это просто не хватило времени. Президент покинул Кремль. Откуда я говорю с тобой, ты уже понял. Так что, Эдик, сиди в своём «Подземстрое» и радуйся, что ты так удачно там оказался. – Генерал, не прощаясь, отключился.

Шрецкий обвел глазами самолет и понял, что взгляды всех сейчас обращены на него. Только сынишка увлечённо громил очередных компьютерных монстров, не отрывая глаз от голографического экрана, на котором то и дело вырастали грибы ядерных взрывов.

Олигарх ткнул сенсор связи с экипажем и произнес, с трудом не срываясь на крик:

– Срочно возвращаемся в Новосибирск!!!

Самолет уже заходил на посадку, когда в вечернем небе ослепительно вспыхнуло второе солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную версию на сайте www.tarmashev.com